

ляет войсками; правда, он не становится во главе одной из штурмующих колонн (в этом и не было надобности), но управляющая его рука неоднократно проявляется в различные периоды боя; он постоянно посылал своих многочисленных адъютантов осведомляться о положении дел в различных колоннах и всегда знал обстановку.

Действия турок отличались полной пассивностью. Они допустили разбить свою сильную флотилию по частям; кавалерия в Измаиле оставалась совершенно бесполезною, а между тем ее можно было бы с успехом употребить для вылазок против разбросанного расположения русских лагерей; высадившись на остров Сулин в то время, когда его только что занял Арсеньев, турки могли совершенно уничтожить эту часть русских, отделенную Дунаем от помощи сухопутных войск левого берега. Наконец, отбитие штурма велось без всякого плана, беспорядочно, с совершенным отсутствием единства в действиях. Блистательная храбрость турок не могла восполнить недостатка в высшем командовании.

Со времени измаильского штурма прошло ровно 100 лет, но он не потерял своего значения и для настоящего времени как образец искусства. Отличительная черта образцов в каком бы то ни было искусстве и заключается, между прочим, в том, что они никогда не могут состариться, а служат вечным источником вдохновения для будущих поколений. Неужели в настоящее время не придется штурмовать крепостей? Конечно, формы такого предприятия должны измениться, как изменились в настоящее время и формы самих крепостей, но сущность дела останется та же <...>

Полагаем, что штурм Измаила <...> может служить прекрасной иллюстрацией к выводам теории. Успех измаильского приступа достигнут благодаря сочетанию изумительной нравственной силы русских войск и вождя их с дивно составленным, подготовленным и исполненным планом действий».

*Н.А. Орлов. Штурм Измаила
Суворовым в 1790 году*

**«ПОЧИТАЮ ИЗМАИЛЬСКУЮ ЭСКАЛАДУ
ГОРОДА И КРЕПОСТИ ЗА ДЕЛО, ЕДВА ЛИ
ЕЩЕ ГДЕ В ИСТОРИИ НАХОДЯЩЕЕСЯ».**

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

ВЗЯТИЕ КОРФУ

20 февраля (3 марта) 1799 г. В этот день русская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова взяла штурмом крепость Корфу.

В плен сдались 2931 человек (в том числе 4 генерала). Военными трофеями русских стали: 114 мортир, 21 гаубица, 500 пушек, 5500 ружей, 37 394 бомбы, 137 000 ядер и т.д. В порту Корфу были захвачены линейный корабль «Леандр», фрегат «Брюне», бомбардирское судно, 2 галеры, 4 полугалеры, 3 купеческих судна и несколько других кораблей. Потери союзников составили около 298 человек убитыми и ранеными, из которых 130 русских и 168 турок и албанцев.

За этот штурм император Павел I произвел Ф.Ф. Ушакова в адмиралы.

Взятие Корфу завершило освобождение Ионических островов из-под власти французов, что имело очень большое военно-политическое значение.

Получив известие о взятии Корфу, А.В. Суворов написал: «Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: Зачем не был я при Корфу, хотя бы мичманом!»

БИТВА ПРИ НОВИ

4 (15) августа 1799 г. В этот день армия А.В. Суворова разгромила французов в битве при Нови.

Эта битва стала одной из блестящих побед, одержанных русским полководцем во время Ита-

льянского похода. Она же была одним из самых продолжительных (15 часов) и самым кровопролитным из полевых сражений А.В. Суворова — по количеству убитых оно уступало только штурму Измаила. В этом сражении французы занимали одну из сильнейших позиций в истории войн, которая давала им огромные огневые преимущества и сводила на нет значительное преимущество Суворова в коннице, уравнивая численность войск.

В этом сражении французы потерпели сокрушительное поражение. Их потери составили от 7000 до 10 000 человек убитыми и 4600 человек пленными. Еще 4000 человек на следующий день под натиском преследовавших их двух русских батальонов, бросив оружие, обратились в беспорядочное бегство и были рассеяны. Таким образом, общие безвозвратные и санитарные потери французов достигли 20 000 солдат и офицеров. Вся артиллерия (от 37 до 39 орудий из 40) также была потеряна.

Потери русско-австрийских войск составили 6000 человек (1300 убитыми и 4700 ранеными). Большую их часть (около 2/3) составили потери австрийцев под командованием Края на левом крыле. Русские войска, несмотря на упорное сопротивление французов, отразивших четыре атаки, потеряли убитыми и ранеными менее 2000 человек.

Оставшиеся силы генерала Моро (генерал Жубер был смертельно ранен в начале сражения) снова отступили в Генуэзскую Ривьеру. Они уже не имели сил даже на оборону перевалов. Это сражение создало чрезвычайно выгодную обстановку для вторжения союзных войск во Францию, однако австрийское командование эту возможность не использовало, боясь усиления русского влияния в Европе.

«Неприятельская армия, до 45 000 состоявшая, под главным предводительством нового, доверенность войск имевшего и храбростью славившегося генерала Жубера, приближалась

к генуэзскому городу Нови. Она расположилась на хребтах высоких, утесистых близлежащих гор, имев позади левого своего крыла крепость Гави, а правым простираясь до Серавалья. Таковое самою природою укрепленное местоположение, доставляя неприятелю всевозможные выгоды оборонительной позиции, содействовало всякое покушение на него неприступным. Он решился учинить на наши войска сильное внезапное нападение; но от меня приказано уже было предускорить сему прежнюю [на]шею атакою и, подаваясь мало-помалу назад, завлечь его в открытое поле <...>

Неприятель, маневрируя беспрестанно то влево, то вправо, принуждал наши войска три раза переменять построения нашего фронта. Напоследок неприятель усилился против конца нашего левого фланга, где полк Милорадовича и Дальгеймова полку батальон Кастилия мужественно сражался. Когда генерал-майор князь Багратион поражал неприятеля, то из кустарников показалась густая колонна, которую он атаковал холодным ружьем, расстроил и рассыпанную уже колом; тогда два неприятельские гусарские эскадрона вышли на выручку. Сбитой неприятель подкреплен был второю колонною. К нашим войскам пришел на помощь генерал от кавалерии Дерфельден с полками Розенберга, Тыртова, батальоном Дальгейма и с левого флангу батальон Швейковского, полк Милорадовича и Молодо-Баденский, которые вступили в атаку. По ним открыт был жестокой из 20 пушек огонь, равно и ружейной; но несмотря на то, колонна была сбита; рассыпанные [люди] взяты были в полон; малая часть спаслась <...>

Тогда неприятель, собрав войска, усилил свой центр, которой уже стenal от жестоких ударов Дерфельдена; подкрепление не пособило. Когда в центр войска его были собраны, то правый его фланг обессилился; и тогда генерал от кавалерии Мелас, воспользовавшись сим, взял путь свой на высоту горы от стороны Серавалья

и, пришед вовремя, поражал неприятеля в левый фланг с решительным успехом. Нападение от каждого и всех вообще началось с беспримерною решимостью и мужеством; неприятель был повсюду опрокинут; замешательство его в центре и на левом крыле было свыше всякого выражения; он выгнан был из выгоднейшей своей позиции, потерял свою артиллерию и обращен в бегство <...>

Все соединенные войска, равно и генерал-фельдцейхмейстер Край с своею колонкою, гнали его, брали в плен, разили за восемь верст и далее от Нови. Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира, по выгодному положению неприятеля, единственное. Мрак ночи покрыл позор врагов, но слава победы, дарованная всевышним оружием твоему, великий государь, озарится навеки лучезарным немерцаемым светом <...>

Все воинство вашего императорского величества от каждого генерала до последнего солдата подвизалось в сем сражении единым духом храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимости; все они совокупно одушевлялись великими монаршими милостями и щедротами, вашим величеством к ним ниспосылаемыми, и охотно приносили на жертву служению престолу и живот и кровь свою».

*Из реляции А.В. Суворова
императору Павлу I о сражении
при Нови от 14 августа 1799 года*

«БЫВШИЕ В БИТВЕ ПРИ ТРЕББИИ НЕ МОГЛИ РЕШИТЬ, ГДЕ СРАЖАЛИСЬ УПОРНЕЕ, ТАМ ИЛИ ПОД НОВИ. ПРИНУДИВ НЕПРИЯТЕЛЯ К БИТВЕ, СУВОРОВ ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ ИСКУСНОЙ ДИСПОЗИЦИЕЙ, ЛИЧНОЮ ХРАБРОСТЬЮ В МИНУТУ ОПАСНОСТИ И РАССЧИТАННЫМ УДАРОМ ПРИ ОКОНЧАНИИ БИТВЫ».

*Н.А. ПОЛЕВОЙ,
РУССКИЙ ИСТОРИК*

ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

14 (25) сентября 1799 г. В этот день русские войска под командованием А.В. Суворова совершили героический переход через перевал Сен-Готард в Швейцарии.

Переход Суворова через Альпы (или его Швейцарский поход 1799 года) стал беспрецедентным в истории.

«И ГАННИБАЛ ПЕРЕХОДИЛ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ, И НАПОЛЕОН ПЕРЕБЕЖАЛ ИХ. НО ПОДВИГИ ИХ ЗДЕСЬ НИЧТОЖНЫ. ОНИ ТОЛЬКО ПРОВЕЛИ ВОЙСКО СНЕЖНЫМИ ВЕРШИНАМИ, НЕ ВИДЯ НЕПРИЯТЕЛЯ. НО СУВОРОВ ПРОКЛАДЫВАЛ СЕБЕ НА АЛЬПАХ ДОРОГУ МЕЧОМ, КАЖДЫЙ ШАГ ПОКУПАЯ КРОВЬЮ».

*Н.А. РЫБКИН,
РУССКИЙ ИСТОРИК*

10 (21) сентября войска А.В. Суворова выступили в Швейцарский поход.

Русская армия насчитывала (вместе с казачьими полками) около 20 000 человек при 25 горных орудиях. Провианта было взято на неделю, так как предполагалось, что питание обеспечат полевые провиантские склады австрийских войск. Обозы и полевую артиллерию направили обходным путем.

Войска двумя колоннами выдвигались к подошве Сен-Готарда. 12 (23) сентября левая колонна — корпус Вильгельма Дерфельдена с австрийской бригадой Готфрида Штрауха — расположилась у Дацио. Там стояли французы. А всеми их войсками правого крыла, оборонявшими Сен-Готард, командовал генерал Лекурб. Русские заняли Сен-Готард. Между тем генерал А.Г. Розенберг, выступив на рассвете 13 (24) сентября, двигался по Рейнской долине, тесня неприятельские войска, и к вечеру оттеснил их к деревне Урзерн.

Переход через Чёртов мост.

Гравюра по рисунку А.Е. Коцебу. 1850-е гг.

14 (25) сентября, после соединения с Розенбергом в Урзерне, А.В.Суворов направил на левый берег Рёйса полк под начальством генерала Н.М. Каменского для выхода в тыл вражеских позиций у Чёртова моста. Этот полк двинулся вслед за прошедшими через Бетцберг войсками Лекурба, уничтожая отставшие во время ночного марша части противника. Суворов повел армию правым берегом на север, но встретил препятствие — Урзернскую пещеру, узкую и низкую галерею, пробитую в обрамляющих Рёйс скалах, длиной 64 метра и шириной, позволявшей пройти только одному человеку. За ней дорога огибала скалу в виде карниза и круто спускалась к Чёртову мосту в том месте, где Рёйс представляет собой бурный поток с огромными водопадами.

«Ужасные стремнины, высоты, следующие одна за другою, и висящие скалы, между которыми беснующаяся толпа республиканцев укрепились, препятствовали нам действовать регулярно, и потому, соображаясь с местными положениями, растянулись мы частями по горе и повели атаку на неприятеля <...> Мы взлетали,

как орлы, на оставляемые им места и теснили его далее и выше к небесам, где иногда действие прерываемо было бродившими облаками, на нас спускавшимися или проходившими над нашими головами и скрывавшими от нас свою непроницаемостью врагов наших <...> Все ужасы и чудные явления природы соединились здесь для того, чтобы изумленному свету представить мужество и неустрашимость русского воинства <...> Хотя неприятель на пути своем неоднократно покушался останавливаться за остроконечными или подобными огромным стенам утесами, но всегда был выбиваем и еще далее вниз преследуем самым быстрым и отважным нападением».

*Николай Грязев,
капитан, участник похода*

Сам Чёртов мост состоял из узкой каменной арки без перил в 20 метров длиной, перекинутой через Рёйс на высоте 22–23 метра. Затем путь, упершись в отвесную скалу левого берега, круто поворачивал направо и спускался по искусственной каменной аппарели (в фортификации так тогда называли наклонную площадку для ввоза орудий на бастионы и их спуска в окопы) к другому мостику, по которому опять переходил на правый берег. Обойдя в этом месте крутую скалу, дорога снова выходила на левый берег реки и наконец у деревни Гёшенен выходила из ущелья.

Между Урзернской пещерой и Чёртовым мостом было около трехсот метров, а вся теснина до Гёшенена составляла более двух километров. Когда полковник И.П. Трубников появился над выходом из Урзернской дыры, передовой отряд французов оставил свою позицию. Батальон А.П. Мансурова прорвался через проход и бросился на отступавших французов в штыки.

Французы, стоявшие на противоположном берегу, начали разбирать аппарат. Но в это время к месту боев со стороны хребта Бетцберг прибыла колонна генерала Каменского. Французы начали отступать от Чёртова моста, успев предварительно частично разрушить его. Для

устранения этого препятствия русские солдаты разобрали находившийся поблизости сарай, притащили бревна и, перевязав их офицерскими шарфами, перебросили их через образовавшийся провал.

«На каждом шагу в этом царстве ужаса зияющие пропасти представляли <...> поглотить готовые гробы смерти <...> Там явилась зрению нашему гора Сен-Готард, этот величающийся колосс гор, ниже которых громоносные тучи и облака плавают, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности были преодолены и, при такой борьбе со всеми стихиями, неприятель, согнездившийся в ущелинах и неприступных, выгоднейших местоположениях, не мог противостоять храбрости воинов, явившихся неожиданно на этом новом театре <...> Войска Вашего Императорского Величества прошли через темную горную пещеру Урзерн-Лох, заняли мост, удивительной игрой природы из двух гор сооруженный и проименованный Тейфельсбрюкке. Оный разрушен неприятелем. Но сие не останавливает победителей. Доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершины в бездны и, достигая врага, поражают его всюду».

*Из донесения А.В. Суворова
императору Павлу I*

«НЕУДАЧНАЯ ЭТА КАМПАНИЯ ПРИНЕСЛА РУССКОМУ ВОЙСКУ БОЛЕЕ ЧЕСТИ, ЧЕМ САМАЯ БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА».

*ГРАФ Д.А. МИЛЮТИН, ВОЕННЫЙ
МИНИСТР РОССИИ В 1861–1881 гг.*

Генерал Лекурб хотел остановить русскую армию, однако после боев на Сен-Готарде и за Чёртов мост и отступления ему удалось собрать лишь около 6000 человек.

В конечном итоге войска А.В. Суворова были в Мутенскую долину 18 (29) сентября. В тот

же день Суворов получил донесение о поражении А.М. Римского-Корсакова и Фридриха фон Готце, с войсками которых он должен был соединиться. После этого события в Швейцарии убедили императора Павла I в невозможности совместных действий с австрийцами, и он направил своему полководцу два рескрипта, в которых сообщал ему о разрыве союза с австрийцами и приказывал готовить армию к возвращению в Россию.

Таким образом, Швейцарский поход Суворова не достиг своей цели по не зависевшим от Александра Васильевича обстоятельствам.

Общие потери Суворова в Швейцарском походе оцениваются в 5100 человек, из которых 1600 погибло и разбилось при переходах. За Швейцарский поход А.В. Суворов 28 октября (8 ноября) 1799 года был возведен в звание генералиссимуса, и было приказано воздвигнуть ему памятник в Санкт-Петербурге.

«НЕ ЗНАЮ, КАК ПРИ ВАС, МОЛОДЫХ, БУДЕТ, А ПРИ НАС НИ ОДНА ПУШКА В ЕВРОПЕ БЕЗ НАШЕГО РАЗРЕШЕНИЯ ВЫСТРЕЛИТЬ НЕ СМЕЛА!»

*А.А. БЕЗБОРОДКО, КАНЦЛЕР
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

ПОБЕДА ПРИ ХОЛЛАБРУННЕ

4 (16) ноября 1805 г. В этот день аррьергард русской армии под командованием князя П.И. Багратиона противостоял многократно превосходящим силам французов около деревни Шёнграбен, недалеко от города Холлабрунн, что севернее Вены.

Силы французов оцениваются разными историками так: от 20 000 до 30 000 человек. Силы русских были значительно меньше — всего 7300 человек. Аррьергард Багратиона, его «геройская дружина», состоял из полков: Киевского грена-

дерского, Азовского и Подольского мушкетерских, 6-го егерского, Павлоградского гусарского, Черниговского драгунского и двух казачьих полков. Также в распоряжении русского арьергарда имелось два батальона гренадеров и 12 орудий.

Этот бой представляет собой одну из наиболее ярких страниц в военной карьере князя Багратиона, таланту которого вверенный ему отряд оказался обязан своим спасением. Когда 6 (18) ноября Багратион присоединился к основным силам М.И. Кутузова, тот встретил своего любимца «князя Петра» словами: «О потере не спрашиваю; ты жив — этого довольно!»

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ ЛЕДЯНЫЕ ТОРОСЫ БОТНИЧЕСКОГО ЗАЛИВА

6 (18) марта 1809 г. В этот день русские войска под командованием князя П.И. Багратиона завершили героический переход по льду Ботнического залива в ходе войны со Швецией.

Согласно плану русского командования, в 1809 году следовало перенести боевые действия на территорию Швеции и овладеть Стокгольмом. Для этой цели было сформировано три отряда. На отряд П.И. Багратиона возлагалась задача занять Аландские острова и по льду Ботнического залива выйти на побережье Швеции.

Северный отряд должен был двинуться к Торнео, овладеть тамошними складами и следовать к городу Умео, на соединение с еще одним отрядом, которому было предписано идти туда же из Васы по льду Ботнического залива около Кваркенских островов (через пролив Кваркен).

6 (18) марта 1809 года войска князя Багратиона заняли Аландские острова, захватили более 2000 пленных, 32 орудия, а также свыше 150 различных кораблей и судов. Авангард русских во-

йск во главе с генерал-майором Я.П. Кульневым 7 (19) марта вышел к берегам Швеции, овладел Гриссельгамом и создал непосредственную угрозу Стокгольму.

Это вынудило правительство Швеции выступить с предложением о мире. Русский главнокомандующий генерал Б.Ф. Кнорринг согласился на приостановку военных действий. Отряд князя Багратиона был возвращен к Або. Отряд М.Б. Барклая-де-Толли, уже перешедший залив у Кваркена, также был отозван назад.

Все знают про знаменитый *переход «чудо-богатырей» А.В. Суворова* через Альпы. Его называют *героическим*, беспрецедентным в истории. Говорят, что он вошел в военную историю как высочайший образец мужества и верности долгу, как настоящий подвиг русского оружия. Отмечают, что этот ледовый маневр покрыл неувядающей славой великого полководца. Все это так. Но был в истории русской армии еще один подвиг во льдах, который, к сожалению, известен гораздо меньше. Это отважный и многотрудный *переход русских войск* через пролив *Кваркен* на шведские берега в 1809 году.

Как известно, русско-шведская война началась в феврале 1808 года. А в феврале 1809 года в действующую армию прибыл генерал-лейтенант М.Б. Барклай-де-Толли, едва оправившийся после тяжелого ранения при Прейсиш-Эйлау, где ему раздробило правую руку. Он возглавил отряд, которому была поставлена задача форсировать по льду Ботнический залив (через пролив Кваркен), чтобы выйти на шведское побережье.

«Барклай-де-Толли должен был с 5000 человек перейти по льду через пролив Кваркен в Умео и соединиться с графом Шуваловым. Князю Багратиону с 20 000 человек назначалось выйти из Або и, пройдя по льду на Аландские острова, истребить находившееся там под начальством генерала Дёбельна шведское войско, обезоружить жителей и идти на шведский берег. Три корпуса,

Переход русской армии через Ботнический залив

соединяясь на шведском берегу, должны были быстро проникнуть к Стокгольму».

Ф.В. Булгарин. Воспоминания

Ширина пролива Кваркен составляет примерно сто километров. Зимой он замерзает, но сообщение по льду все равно остается чрезвычайно опасным из-за бесконечных полыней и трещин. К тому же бури часто взламывают лед и уносят его в море. В частности, в декабре 1808 года лед дважды ломался, а потом замерзал снова, нарастая неровными глыбами. Рекогносцировки, проведенные Барклаем, показали, что шведы не догадываются о плане русских, но вот сам переход...

Изучив обстановку, Михаил Богданович доложил наверх об отсутствии провианта, о недостаточной численности войск, о «неимении полного комплекта боевых патронов, надежного офицера квартирмейстерской части и карт». Из всего этого он сделал следующий вывод: «С пятью тысячами человек мне идти туда нельзя».

Аналогичный рапорт написал и главнокомандующий Б.Ф. Кнорринг, говоривший об опасности пребывания на льду в жестокий мороз. Но на это граф А.А. Аракчеев, бывший тогда военным

министром, ответил так: «Усердие и твердость русских войск все преодолеют».

В ответ генерал Кнорринг назвал все это «безумной затеей». Он также написал, что батальоны — не фрегаты, чтобы ходить по заливам...

И тогда непосредственное планирование операции было поручено Барклаю-де-Толли. А тот к тому времени уже понял, что его отряд не будет иметь и 5000 человек. Дело в том, что часть отряда задержалась на переходе к Васе, и у Михаила Богдановича в распоряжении оказалось всего около 3500 человек: шесть батальонов пехоты и 250 казаков при шести пушках.

«Ботнический залив, начинающийся у города Торнео, расширяясь постепенно в обе стороны при своем начале, суживается между финляндским городом Васа и шведским Умео и образует род пролива шириной около ста верст, называемого Кваркен. Между обоими берегами находятся группы островов; большая часть их состоит из голых необитаемых скал. Летом Кваркен опасен для мореходцев по множеству отмелей и по неровности дна; зимой он замерзает и представляет сухопутное сообщение между противоположащими

берегами. Но этот зимний путь всегда опасен и затруднителен: огромные полыньи и трещины во льду, прикрываемые наносным снегом, на каждом шагу угрожают сокрытыми безднами. Часто случается, что внезапные бури разрушают этот ненадежный помост суровой зимы и уносят его в море».

Ф.В. Булгарин. Воспоминания

Конечно, «невыполнимых приказов не бывает», и «для русских воинов нет ничего невозможного», но реальная действительность и силы природы не всегда подчиняются одной лишь отваге. Впрочем, медлить было нельзя, а посему Барклай приступил к исполнению высочайшей воли.

«Войско провело 7 марта на биваках на необитаемом острове Вальгунде, лежащем в двадцати верстах от берега. Взор терялся в необозримых снежных степях, и остров Вальгунд, составленный из одних гранитных скал, казался надгробным камнем мертвой природы. Здесь не было никакого признака жизни: ни одно деревцо, ни один куст тростника не оживляли этой картины бесплодия. Зима царствовала здесь со всеми ужасами, истребив все средства к защите от ее могущества. Стужа простиралась до пятнадцати градусов, и войско оставалось на биваках без огней и шалашей».

*Ф.В. Булгарин.
Воспоминания*

При расположении бивуаком прямо на ледяных камнях приказ Барклая был суров: костров не раскладывать, шалашей не ставить, а часовым глядеть в оба. Солдатам выдали по чарке водки, но она не могла спасти от лютого холода. Солдаты подступили к Михаилу Богдановичу с одним-единственным вопросом:

— Как же греться, ежели костров разжигать нельзя?

— Можете прыгать! — невозмутимо ответил их генерал, сам деливший с солдатами все тяготы похода.

«Свирепствовавшая в ту зиму жестокая буря, сокрушив лед, разметала его на всем пространстве залива огромными обломками. Подобно утесам возвышались они в разных направлениях, то пересекая путь, то простираясь вдоль по дороге. Вдали гряды льдин похожи были на морские волны, мгновенно замерзшие в минуту сильной зыби. Надобно было то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега <...> Холод не превышал пятнадцати градусов, и погода была тихая; иначе вьюга, обыкновенное в сих широтах явление, могла взломать ледяную твердыню и поглотить войско. Хотя каждая минута была дорога, но солдатам давали отдых; они едва могли двигаться от изнурения. Лошади скользили и засекали ноги об острые льдины. Артиллерия замедляла движение отряда. К орудиям, поставленным на полозья, отрядили 200 рабочих и, наконец, оставили пушки позади, под прикрытием резерва. К шести часам вечера, пройдя 40 верст за 12 часов, войско прибыло на шведский остров Гадден <...> С трудом можно было достать немного дров. Большая часть войск провела ночь без огней».

А.И. Михайловский-Данилевский.

*Описание финляндской войны
на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах*

«Пот лился с чела воинов от крайнего напряжения сил, и в то же время пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждая опасение, чтобы, превратившись в ураган, не взорвал ледяной твердыни. Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и эти так сказать развалины моря напоминали о возможности нового переворота».

Ф.В. Булгарин. Воспоминания

Барклай-де-Толли предполагал сделать нападение на город Умео с двух сторон. Первому отряду приказано было следовать прямым путем на твердую землю, завязать перестрелку с находившимся там противником, но не напи-

рать сильно, рассчитывая время таким образом, чтобы второй отряд успел прибыть к устью реки Умео.

В полночь второй отряд, при котором находился сам Барклай, выступил с острова Гадден.

«Все представлявшие доселе трудности казались забавой в сравнении с сим переходом: надлежало идти без дороги, по цельному снегу выше колена, в стужу свыше 15 градусов, и русские перешли таким образом 40 верст за 18 часов! Достигнув устья реки Умео, изнуренные воины едва могли двигаться от усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду в версте от неприятеля, находившегося в деревне Текнес. Из числа шести кораблей, зазимовавших в устье, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплоте бивачных огней, которые почитались тогда величайшею роскошью».

Ф.В. Булгарин. Воспоминания

Говоря об этом переходе, современники уподобляли его переходу Суворова через Альпы. Сам же Михаил Богданович потом писал в рапорте: «Переход был наизатруднительнейший. Солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колена, и сколько ни старались прийти заблаговременно, но будучи на марше восемнадцать часов, люди так устали, что на устье реки принуждены мы были бивакировать. Неприятельские форпосты стояли в виду нашем. Понесенные в сем переходе труды, единственно русскому преодолеть только можно».

«Шведами в Умео командовал граф Кронштедт. У него было не более 1000 человек; он стоял спокойно, как будто в мирное время. Остальные войска его были распущены по домам. Только что накануне узнал он от спасшихся с острова Гаддена солдат своих о приближении русских и не успел по скорости принять мер обороны, полагая, как после сам сознавался, пе-

реход через Кваркен невозможным <...> Между тем, 10-го, с рассветом, Барклай-де-Толли атаковал и опрокинул передовую цепь его. Казаки и стрелки, выбившись из глубокого снега, в котором вязли двое суток, обрадовались, выйдя на гладкую дорогу, быстро понеслись за неприятелем и были уже в одной версте от Умео. Убедясь в превосходном числе русских сил и справедливо заключая, что если русские одолели препятствия переход через Кваркен, то явились на шведский берег с решительностью искупить победу во что бы то ни стало, граф Кронштедт не хотел вступать в дело, не обещавшее ему успеха, и вознамерился остановить дальнейшие действия наши переговорами. Он выслал переговорщика, предлагая свидание с Барклаем-де-Толли. Ему отвечали, что наступательное наше движение ни под каким предлогом остановлено быть не может, но если он требует пощады, то должен явиться сам. Вслед за тем граф Кронштедт приехал к Барклаю-де-Толли».

А.И. Михайловский-Данилевский.

*Описание финляндской войны
на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах*

То есть, по сути, получается, что Барклай-де-Толли, как тогда писали, «ознаменовал себя подвигом, беспримерным в военных летописях». Выступив из Васы 7 (19) марта, он двинулся по льду Ботнического залива (Кваркена) и, после двух ночлегов на морозных биваках без огней, достиг шведского берега, где 10 (22) марта с боя взял Умео. Подвиг этот до того напугал неприятеля, что шведский главнокомандующий, генерал Кронштедт, пользуясь тогда же происшедшей в Швеции сменой правления, предложил перемирие, которое и было принято Барклаем-де-Толли.

Чтобы было понятно, начальник шведских войск граф Кронштедт прибыл к Барклаю и доложил ему, что вся Швеция желает мира, а король Густав IV Адольф «лишен престола, о чем уже за восемь дней последовало всенародное объявление». Этот король в ходе войны, несмо-

тря на неудачи, упорно отказывался от заключения мира. Более того, он ввел непопулярный военный налог и к тому же разжаловал более сотни гвардейских офицеров из знатнейших семей за трусость, проявленную на поле боя. После этого в его окружении стала зреть мысль об отрешении короля от власти.

В заговоре участвовали многие высшие офицеры и чиновники, а во главе его стоял генерал-адъютант Карл-Иоанн Адлеркрейц. В результате заговорщики ворвались в покои короля и взяли его под стражу. После этого Густав IV Адольф отрекся от престола, и вскоре он и его семья были высланы из страны.

Итог событий в Стокгольме был таков: произошел государственный переворот, гвардейские полки свергли Густава IV, а новым королем избрали его дядю, герцога Зюдерманландского, вступившего на престол под именем Карла XIII.

Узнав об этом, Барклай «решился пожертвовать собственным славолюбием общей пользе и достиг цели своего предназначения без пролития крови».

«В магазинах в Умео найдено было до 1600 бочек разного продовольствия, 4 пушки, 2820 ружей, довольно значительное количество снарядов и амуниции, а запасов достаточно для месячного продовольствия нашего отряда. Барк-

лай-де-Толли составил, под начальством полковника Филисова, отряд из сотни казаков, Полоцкого полка и двух орудий и отправил его по дороге к Торнео, где, по слухам, были шведские магазины с запасными снарядами, орудиями, ружьями, порохом, свинцом, амуницией и хлебом».

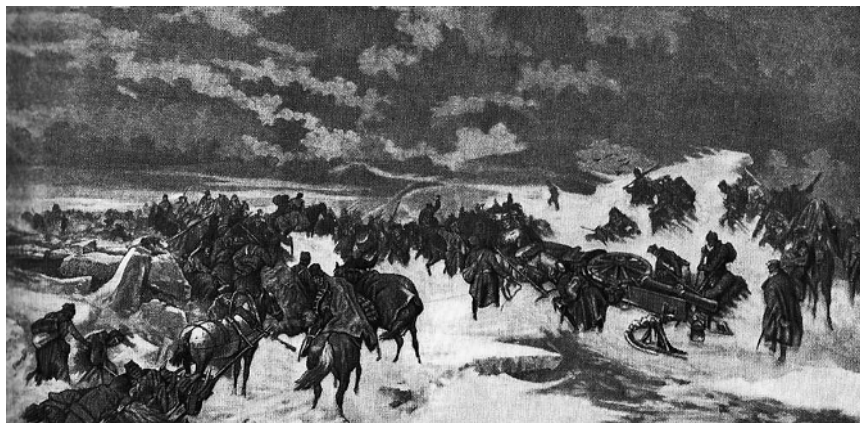
А.И. Михайловский-Данилевский.

*Описание финляндской войны
на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах*

И тут было получено известие о перемирии вместе с неожиданным приказом... о возвращении обратно в Васу.

Барклай, как сейчас принято говорить, был в шоке. Возвращаться обратно? Все усилия его солдат и офицеров оказывались бессмысленными... Но он — человек военный, и, как ни тяжело ему было согласиться выполнить этот странный приказ, однако он принял все меры, чтобы обратное движение «не имело вида ретирады». Поэтому главные силы его двинулись не ранее 15 марта, а арьергард — только 17 марта.

К сожалению, описанный выше подвиг русских солдат и офицеров оказался почти бесполезным. По крайней мере, с военной точки зрения. Ко всему прочему, сам Барклай на обратном пути сильно простудился. Плюс дали о себе знать боли в покалеченной руке, и его привезли в Васу уже совершенно больным.

Переход через Чертов мост. Гравюра по рисунку А.Е.Коцебу. 1850-е гг.

А 19 (31) марта 1809 года в Або прибыл Александр I и повелел... прервать заключенное со шведами перемирие. То есть все нужно было начинать сначала, ибо императору показалось, что, когда русские войска покинули шведскую территорию, новое шведское правительство начало выдвигать неприемлемые для России условия. В связи с этим Александр приказал корпусу графа П.А. Шувалова вновь вступить на территорию Швеции с указанием ему и Барклаю-де-Толли, «чтобы они отнюдь не переставали свои действия, хотя бы парламентары к ним и были присланы».

И опять возобновилась эта уже всем порядком надоевшая война...

«НАДЕЖНЕЕ И ВЕРНЕЕ ВСЕХ ИСКУССТВЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КВАРКЕН СОХРАНЯЕТ ПРЕДАНИЕ О НЕИМОВЕРНОЙ НЕУСТРАШИМОСТИ РУССКОГО ВОИНСТВА. БЛАГОРОДНЫЕ ПОТОМКИ НЕ ЗАБУДУТ СЛАВНЫХ ДЕЛ; ОНИ СТАНУТ ПОВТОРЯТЬ С ГОРДОСТЬЮ ИМЕНА ГЕРОЕВ, ПРОСЛАВИВШИХ РУССКОЕ ОРУЖИЕ, И С БЛАГОДАРНОСТЬЮ СКАЖУТ: ЕГО ПРЕДОК БЫЛ С БАРКЛАЕМ НА КВАРКЕНЕ!»

Ф.В. БУЛГАРИН, УЧАСТНИК ВОЙНЫ

БИТВА ПРИ РУСЕ

2 (14) октября 1811 г. В этот день русские войска под командованием М.И. Кутузова переправились через Дунай и неожиданным ударом наголову разгромили 20-тысячную турецкую армию под Рушуком (ныне это болгарский город Русе).

22 июня (4 июля) 1811 года турецкая армия под командованием Ахмет-паши атаковала русских у Рушук, но потерпела поражение и отступила. Многие русские генералы тогда настаивали

на преследовании, но М.И. Кутузов, менее всего любивший рисковать, несмотря на одержанную победу, счел опасным оставаться под Рушук, а посему русские войска переправились на левый берег Дуная.

После отступления Кутузова турки заняли Рушук, но в течение всего июля не трогались оттуда. А к началу августа у Ахмет-паши под Рушук уже было более 60 000 человек. Еще 20 000 солдат и офицеров под командованием Исмаил-бея подошли к Видину. Эта группировка начала переправу на левый берег Дуная. В начале августа армия Исмаил-бея вступила в бой с войсками правого фланга русской армии. Русским удалось остановить турок, и их планы одновременного наступления на двух направлениях были сорваны.

Потом переправу через Дунай начал сам Ахмет-паша, и русские не препятствовали этому. И каждый раз на тревожные доклады подчиненных М.И.Кутузов отвечал: «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее».

В течение трех дней Ахмет-паша переправил у Слободзеи 40 000 человек, и его на левом берегу реки блокировало полукольцо из девяти мощных редутов (при этом оба фланга русских примыкали к Дунаю). В результате все попытки турок наступать, расширяя плацдарм, оказались безуспешными.

А потом М.И. Кутузов отдал приказ генералу Е.М. Маркову пойти с 7-тысячным отрядом по берегу Дуная, переправиться через реку в 18 километрах западнее Рушук, загнать оставшихся на правом берегу турок в Рушук и занять берег напротив войск Ахмет-паши. Оттуда Маркову следовало обстреливать турецкий лагерь из орудий, что и было исполнено.

На рассвете 2 (14) октября основная группировка турок оказалась полностью окружена. Ее осыпали ядрами одновременно орудия Кутузова, Маркова и Дунайской флотилии. Ахмет-паша бежал, потом в лагере начался голод, и остатки турецких войск вынуждены были капитулировать. В результате, турецкий лагерь,

вся артиллерия, суда и запасы великого визиря были захвачены. А войска Исмаил-бея вынуждены были отступить.

«Марков с блестящим успехом исполнил мудрое предначертание главнокомандующего. Выступив из лагеря вечером 19 сентября, он прошел верст пятнадцать вверх по Дунаю до деревни Петрошан, оттуда спустился прямо к реке и, невзирая на встретившийся недостаток судов, которых должен был ждать целый день, совершил переправу, да так, что ее не заметил ни один турок, могший известить визиря об угрожавшей ему беде. От места переправы Марков ночью на 2-е октября быстро двинулся вниз по течению Дуная к Рушуку, где на заре встретил до 2000 турецких всадников, опрокинул их и вместе с ними ворвался в стан неприятельский. Неожиданное появление его навело панический страх на турок: после слабого отпора, не стоившего нам и десяти человек убитыми, они ударились в бегство, куда кто успел, оставив русским и роскошный лагерь визиря, и орудия, и знамена. Марков немедленно направил взятые им пушки на турок, стоявших с визирем на сей стороне Дуная; в то же время открыл канонаду и Кутузов. Пораженный ужасом турецкий военачальник переплыл Дунай ночью на небольшой лодке и укрылся в Рушуке, покинув свою армию в жертву неминуемой гибели. Для большего стеснения ее Кутузов поставил военные суда выше и ниже турецкого лагеря, и они пресекли подвоз съестных припасов Дунаем. Лишенная всех средств продовольствия армия, покинутая визирем, более месяца была истребляема голодом, стужей, болезнями и огнем русских батарей. Остатки ее (до 12 000 человек) сданы были Кутузову турецким правительством под сохранение, до заключения мира. Потеряв цвет отборного воинства, султан Махмуд II не в силах был долее бороться с Александром I, и, как ни убеждал султана Наполеон, уже шедший на Россию, воевать ее общими силами, обещая возратить все прежние потери Турции,

Порта должна была согласиться на Бухарестский мир».

Н.Г. Устрялов. Русская история

БОРОДИНО

26 августа (7 сентября) 1812 г. В этот день русская армия под командованием М.И. Кутузова выстояла в генеральном сражении с французской армией при селе Бородино.

Это сражение состоялось примерно в 125 километрах к западу от Москвы. В нем русским не удалось победить, но, с другой стороны, после него хотя Великая армия Наполеона и продолжила наступление на Москву, но участь ее уже была предрешена.

Численность потерь обеих сторон в этом сражении неоднократно пересматривалась историками. Разные источники дают разные числа. С русской стороны потери якобы составили 45 000 человек, и именно эта цифра выбита на Главном монументе на Бородинском поле, возведенном в 1839 году. Она же указана на стене галереи воинской славы храма Христа Спасителя в Москве. В других источниках говорится о 58 000 человек убитыми и ранеными, в третьих пишется — «до 40 тысяч». Известно, что у русских выбыли из строя 26 генералов.

Согласно французским данным, Наполеон потерял при Бородино примерно 30 000 человек, в том числе 49 генералов и 37 полковников. Русские историки считают эти цифры заниженными. Называются потери и в 34 000 человек, и в 38 500 человек, и в 40 000 человек, и в 58 000 человек.

Как бы то ни было, Бородинское сражение является одним из самых кровопролитных сражений XIX века и наиболее кровопролитным из всех, бывших до него. Получается, что наполеоновская армия потеряла около 25% своего состава, а русская — около 30%. Со стороны францу-

Бородинское сражение (фрагмент панорамы)

зов было сделано 60 000 пушечных выстрелов, с русской стороны — 50 000.

М.И. Кутузов в своей реляции императору Александру I написал так: «Баталия 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которой пришел нас атаковать».

Это не совсем верно. На всех основных участках французы смогли достичь некоторых тактических успехов, а русские оставили свои первоначальные позиции и отступили примерно на один километр. Но при этом прорвать их оборону или совершить обход флангов наполеоновским войскам так и не удалось. И весьма характерен тот факт, что Наполеон, несмотря на настоятельные просьбы своих маршалов, так и не рискнул бросить для завершающего удара свой последний резерв — свою любимую гвардию.

«Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Так началось беспрецедентное Бородинское сражение 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим: густой туман

лежит между нами и ими. Заря только что начала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валяются, другие пылают. Войска бегут к ружью в огонь. Все это происходило в середине, а на левом нашем крыле давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия.

Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть этого ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг, я видел это неизменно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал!

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микеланджело, изобразившую Страшный суд, чтобы осмелиться представить это ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов на самом тесном, по их многочисленности, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием! Две тысячи

пушек гремели беспрерывно. Тяжко вздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением — русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожаемого конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице России; другие помнили, что заслоняют собой эту самую столицу — сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве.

Русские сердца внимали священному этому воплю, и мужество наших войск было неопишимо. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел!

«Не заглядывайте в этот лесок, — сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны, — там целые костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и разможенные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как

обыкновенно летают пули; а сколько здесь пролетало пуль!.. Но это сражение неопишимо...»

Ф.Н. Глинка.

Письма русского офицера

«ИЗ ВСЕХ МОИХ СРАЖЕНИЙ САМОЕ УЖАСНОЕ ТО, КОТОРОЕ Я ДАЛ ПОД МОСКВОЙ. ФРАНЦУЗЫ В НЕМ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ ДОСТОЙНЫМИ ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ, А РУССКИЕ ЗАСЛУЖИЛИ ПРАВО БЫТЬ НЕПОБЕДИМЫМИ».

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

КУЛЬМСКАЯ БИТВА

18 (30) августа 1813 г. В этот день русская гвардия отличилась в сражении против французской армии при Кульме.

В районе Кульма М.Б. Барклай-де-Толли принял личное начальство над всеми находившимися там союзными войсками. Медлительность австрийцев его просто бесила. Он писал императору Александру: «Князь Шварценберг хочет совершенно раздробить армию вашу. Ежели случится несчастье, то нам собраться не можно будет и подкрепить себя нечем. Против Наполеона надобно действовать массами, а не растянуто».

Тем не менее, под Кульмом русские действовали отменно, а граф А.И. Остерман-Толстой «решительностью своею стяжал бессмертие». Ему помог и генерал фон Клейст, который, пытаясь спастись от преследовавшего его маршала Сен-Сира, неожиданно наткнулся на войска генерала Вандамма в самый острый момент его боя с графом Остерман-Толстым.

В результате 18 (30) августа французский корпус был совершенно разбит: примерно 12 000-13 000 человек были взяты в плен, в том числе пять генералов и сам Вандамм, и с ними 84 орудия, несколько знамен, 200 зарядных ящиков и весь обоз.

«БИТВА НАРОДОВ» ПОД ЛЕЙПЦИГОМ

«Кульмское сражение решительно положило предел успехам Наполеона. С того времени почти все военные предприятия его были неудачны. Известие о Кульмской победе распространило повсюду тем большую радость, что никто не ожидал успехов через три дня после неудачи нашей под Дрезденом».

А.И. Михайловский-Данилевский.

Описание войны 1813 года

За эту блестящую победу Барклай был удостоен ордена Святого Георгия 1-й степени и высшего ордена Австрийской империи — командорского креста Марии-Терезии.

«КУЛЬМСКАЯ БИТВА ПОЛОЖИЛА ПРЕДЕЛ УСПЕХАМ НАПОЛЕОНА».

*М.И. БОГДАНОВИЧ,
ВОЕННЫЙ ИСТОРИК*

6 (18) октября 1813 г. В этот день русские войска совместно с союзниками одержали победу над Наполеоном при Лейпциге. Это поражение лишило Францию всех территориальных завоеваний в Европе.

Силы союзников стягивались под Лейпциг по частям. Первыми подошли Силезская армия фельдмаршала Блюхера и Богемская армия князя Шварценберга. В ходе сражения подтянулись Северная армия кронпринца Бернадотта (бывшего наполеоновского маршала), а также немалое количество иных войск. Всего союзная армия насчитывала более 300 000 человек, из которых 127 000 составляли русские, 89 000 — австрийцы, 72 000 — пруссаки и 18 000 — шведы.

Пленение генерала Вандамма под Кульмом